

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Он проснулся в темноте; проснулся сразу, легко, не сделав ни одного движения, — просто открыл глаза и увидел, что еще темно. Ему не нужно было, подобно большинству людей, сначала пошарить вокруг себя, прислушаться, ощутить внешний мир, — он сразу нашел свое «я» в определенных условиях пространства и времени и без усилий продолжал повесть своей жизни, прерванную сном. Он сразу осознал себя Диком Форрестом — хозяином огромного поместья, который несколько часов назад, уже в полузабытьи, заложил спичкой страницу книги, выключил настольную лампу и уснул.

Где-то совсем рядом сочно плескался и лепетал фонтан. Издалека донесся звук — такой слабый и смутный, что его могло уловить только очень чуткое ухо; однако Дик Форрест услышал его и улыбнулся: он сразу узнал глухой, хриплый рев Короля Поло, своего лучшего быка из породы шортхорнов, трижды премированного на калифорнийских выставках в Сакраменто. Улыбка долго не сходила с лица Дика Форреста: он рисовал себе те новые победы, которые готовил своему Королю Поло, — в этом году он собирался отправить его на восток. Он докажет, что бык, рожденный и выращенный в Калифорнии, вполне может соперничать с лучшими, вскормленными кукурузой быками штата Айова и даже с привезенными из-за моря, с их исконной родины, шортхорнами.

Улыбка погасла, Форрест потянулся в темноте к ряду кнопок над изголовьем и нажал первую. Кнопки шли в три ряда. Скрытый свет, лившийся сквозь стенки большой чаши под потолком, осветил спальню-веранду, с трех сторон затянутую тонкой медной сеткой. Четвертой стороной служила бетонная стена дома с высокими застекленными дверями.

Он надавил вторую кнопку в том же ряду, и яркий свет озарил то место на стене, где висели часы, барометр и два термометра — Фаренгейта и Цельсия. Скользя по ним взглядом, он сразу прочел их показания: время — 4.30, атмосферное давление — 29,80, нормальное для данной высоты над уровнем моря и для времени года; температура — 36° по Фаренгейту. Другим движением пальца он опять погрузил во мрак измерители времени и температуры.

От нажима на третью кнопку вспыхнула его рабочая лампа, поставленная так, чтобы свет падал сверху и сзади, не ослепляя глаз.

Первая кнопка погасила невидимую лампу под потолком; Форрест достал с ночного столика пачку гранок, закурил сигарету и, вооружившись карандашом, принялся их править.

Вся обстановка спальни говорила о том, что здесь живет человек, привыкший работать. Каждая вещь в ней была целесообразна, вместе с тем на всем лежал отпечаток отнюдь не спартанского комфорта. Серая эмалированная кровать была под цвет серой стены. В ногах кровати, вместо теплого пледа, лежал халат из волчьих шкур с висячими хвостами. Ночные туфли стояли на пушистом ковре из меха горной козы.

На ночном столике высились аккуратные стопки книг, журналы, блокноты и еще оставалось место для спичек, сигарет, пепельницы и термоса. На подвижной, прикрепленной к стене подставке стоял диктофон. Со стены, под барометром и термометрами, из круглой деревянной рамки смотрело смеющееся жен-

ское личико. И на той же стене, между рядами электрических кнопок и распределительным щитом, висела открытая кобура, из которой торчала рукоятка автоматического «кольта-44».

В шесть часов, минута в минуту, когда серый утренний свет начал просачиваться сквозь проволочную сетку, Дик Форрест, не поднимая глаз от корректуры, протянул правую руку и нажал одну из кнопок во втором ряду. Пять минут спустя на веранду неслышно вошел китаец в мягких туфлях. Он держал в руках начищенный медный подносик, на котором стояли чашка с блюдцем, крошечный серебряный кофейник и такой же молочник.

— С добрым утром, О-Дай, — приветствовал его Дик Форрест, улыбаясь не только губами, но и глазами.

— С добрым утром, хозяин, — ответил О-Дай; он освободил на столе место для подноса, налил в чашку кофе и сливки.

Увидев, что хозяин уже подносит одной рукой чашку к губам, а другой продолжает делать пометки на корректуре, О-Дай поднял с пола обшитый кружевами воздушный розовый чепчик и удалился. Он скрылся беззвучно, исчез, как тень, в открытую застекленную дверь.

В шесть тридцать, минута в минуту, он вернулся с подносом побольше. Дик Форрест отложил гранки, достал книгу, озаглавленную «Промысловое разведение лягушек», и приготовился завтракать. Завтрак был простой, но сытный: снова кофе, полгрейпфрута, два яйца всмятку, сбитых в стакане с кусочком масла и очень горячих, и ломтик в меру поджаренного бекона; он знал, что это мясо от его свиньи, и притом домашнего копчения.

К этому времени лучи солнца уже хлынули через сетку и залили кровать. С наружной стороны сетки сидело несколько первых весенних мух, ошалевших от ночного холода. Завтракая, Форрест следил за тем, как

на них охотятся хищные желтобрюхие осы. Более выносливые и менее чувствительные к заморозкам, чем пчелы, они летали перед сеткой и накидывались на ошалевших мух. Эти воздушные разбойники в желтых камзолах свирепо жужжали и, действуя почти без промаха, схватывали свою жертву и улетали с ней. Последняя муха исчезла раньше, чем Форрест сделал последний глоток кофе и, заложив спичкой книгу о лягушках, принялся опять за корректуру.

Через некоторое время он услышал прозрачную, нежную трель жаворонка — этого первого утреннего певца. Форрест оторвался от работы и взглянул на часы: они показывали семь. Он отложил гранки, взялся за телефон и, нажимая привычной рукой кнопки на распределительном щите, вступил в разговор с целым рядом лиц.

— Алло, О-Пой, — обратился он к первому. — Что мистер Тэйер, встал? Ладно. Не будите. Едва ли он будет завтракать в постели, но вы все-таки справьтесь... Хорошо, и покажите ему, как пускать горячую воду... Может быть, он не знает... Да, да, хорошо... И достаньте как можно скорее еще одного боя. Как только наступает весна, съезжаются гости... Конечно. Словом, на ваше усмотрение. До свидания.

— Мистер Хэнли?... Да, — начал он вторую беседу с помощью второго контакта, — я думал насчет Бьюкэйской плотины. Мне нужна смета на доставку гравия и камней... Да, вот именно... Я считаю, что ярд гравия обойдется примерно на шесть или десять центов дороже щебня. Ужасно мешает подвозу этот последний крутой склон холма... Разработайте смету... Нет, раньше чем через две недели мы начать не сможем... да, да, если новые тракторы подспеют вовремя, они освободят лошадей от пахоты; но не забудьте, что тракторы придется еще дать на проверку... Нет. Об этом вам придется поговорить с мистером Эверэном. До свидания.

Третья беседа началась так:

— Мистер Досон?.. Ха! Ха!.. У меня на веранде сейчас тридцать шесть градусов. В низинах, наверно, все бело от инея. Но это, пожалуй, последний утренник... Да, поклялись, что тракторы будут доставлены еще два дня назад... Позвоните железнодорожному агенту... Кстати, поговорите за меня и с мистером Хэнли. Я забыл ему сказать, чтобы вместе со второй партией мухоловок он пустил в дело и крысоловки. Да, сейчас же. Сегодня штук двадцать мух грелись на моей сетке... Конечно. Прощайте.

Покончив с разговорами, Форрест быстро встал, сунул ноги в туфли и, как был, в пижаме, вошел в дом через открытую дверь, чтобы принять ванну, уже приготовленную для него китайцем О-Даем. Минут через десять Форрест, вымытый и выбритый, снова лежал в постели, погружившись в книгу о лягушках, а пунктуальный О-Дай, все исполнявший минута в минуту, массировал ему ноги.

У Дика были сильные, красивые ноги, и сам он был статный и стройный, рост — пять футов десять дюймов, вес — сто восемьдесят фунтов. Эти ноги могли немало порассказать об их владельце: левое бедро пересекал рубец дюймов десять длиной; поперек левой лодыжки, от икры до пятки, также шло несколько шрамов величиной с монету. Когда О-Дай посильнее разминал левое колено, Форрест невольно морщился. И на правой голени темнело несколько небольших шрамов, а глубокий рубец, как раз под коленом, доходил почти до кости. На бедре виднелся след застарелого ранения шириной три дюйма, испещренный точками от снятых швов.

Внезапно со двора донеслось веселое ржание. Форрест поспешно заложил спичкой нужную страницу лягушачьей книги, перевернулся на бок и посмотрел в ту сторону, откуда донеслось ржание, в то время как О-Дай надевал хозяину носки и башмаки. Внизу на

дороге, среди лиловых кистей ранней сирени, появился живописный ковбой верхом на крупном жеребце; в золотых утренних лучах жеребец казался красновато-коричневым; он шел, роняя клочья белоснежной пены, гордо взмахивая гривой, поводил вокруг блестящими глазами, и трубный звук его любовного призыва разносился по зеленеющей равнине.

Дика Форреста в то же мгновение охватила радость и тревога: радость при виде этого великолепного животного, выступавшего между кустами сирени, — и тревога, как бы его ржание не разбудило ту молодую женщину, чье смеющееся личико глядело на него из деревянной рамки на стене. Он бросил быстрый взгляд через двор шириной двести футов на выступавшее вперед крыло дома, находившееся еще в тени. Шторы на окнах ее веранды-спальни были спущены. Они не шевельнулись. Жеребец снова заржал, но он спугнул только стайку диких канареек — они поднялись из цветущих кустов, которыми был обсажен двор, точно брызнул вверх сноп золотисто-зеленых брызг, брошенный восходящим солнцем.

Следя за жеребцом, Дик Форрест рисовал себе его прекрасное и сильное потомство, этих жеребят без малейшего порока. А когда лошадь скрылась среди сирени, Дик, как обычно, сейчас же возвратился к окружавшей его действительности и спросил слугу:

— Ну, как новый бой, О-Дай? Привыкает?

— Мне кажется, он хороший бой, — ответил китаец. — Совсем мальчишка. Все ему ново. Очень медленный. Но ничего, толк выйдет.

— Да? Почему ты так думаешь?

— Я бужу его третье или четвертое утро. Спит как маленький. Проснулся — улыбается. Совсем как вы. Очень хорошо.

— А разве я улыбаюсь, когда проснусь? — спросил Форрест.

О-Дай усердно закивал.

— Уж сколько раз, сколько лет я бужу вас. И всегда, как глаза откроете, так они уже улыбаются, губы улыбаются, лицо улыбается, весь вы улыбаетесь. Сразу. Это очень хорошо. Если человек так просыпается, значит ума много. Я знаю. И новый бой — умный. Увидите, скоро-скоро выйдет из него толк. Его зовут Чжоу Гэн. Как вы будете называть его здесь?

— А какие имена у нас уже есть? — спросил он.

— О-Рай, Ой-Ой, Ой-Ли, потом я — О-Дай, — перечислял китаец скороговоркой. — О-Рай говорит, надо назвать нового боя...

Он смолк и лукаво посмотрел на своего хозяина. Форрест кивнул.

— О-Рай говорит, пусть новый бой будет О-Черт!

— Охо! Здорово! — расхохотался Форрест. — Я вижу, О-Рай шутник! Имя хорошее, только оно не подойдет. А что скажет миссис? Надо придумать что-нибудь другое.

— О-Хо тоже очень хорошее имя.

В ушах у Форреста все еще стояло его собственное восклицание, и он понял, откуда китаец взял это имя.

— Хорошо. Пусть называется О-Хо.

О-Дай наклонил голову, неслышно выскользнул в дверь и тут же вернулся с остальной одеждой своего хозяина, помог ему надеть нижнюю и верхнюю сорочку, набросил на шею галстук, который тот завязывал сам, и, опустившись на колени, затянул краги и нацепил шпоры; затем подал широкополую фетровую шляпу и хлыст. Хлыст был особый, индейского плетения, — он состоял из узких полосок сыромятной кожи, в его рукоятку было вделано десять унций свинца, и он висел на ременной петле, которую Дик надел на руку.

Однако Форрест еще не мог уйти из своей комнаты: О-Дай протянул ему несколько писем — их привезли со станции вчера вечером, когда хозяин уже лег. Надорвав правую сторону конвертов, Форрест быст-

ро просмотрел письма и задержался только на одном. Он постоял, насупившись, потом быстро подошел к диктофону, отвел его от стены, нажал кнопку, поворачивавшую цилиндр, и поспешно начал диктовать, не делая никаких пауз, чтобы подыскать нужное слово или точнее выразить свою мысль:

«В ответ на ваше письмо от четырнадцатого марта тысяча девятьсот четырнадцатого года должен сообщить, что я весьма огорчен известием о разразившейся у вас свиной холере. Огорчен я и тем, что вы сочли возможным возложить на меня ответственность за это. А также тем, что боров, которого мы прислали вам, околел.

Могу вас заверить, что холеры у нас здесь не наблюдается, эта болезнь не появлялась уже в течение восьми лет, за исключением двух случаев, когда два года тому назад ее завезли к нам с Востока; но, согласно нашему правилу, заболевшие свиньи тут же были изолированы и уничтожены раньше, чем зараза перекинулась на наши стада.

Должен заявить вам, что ни в том ни в другом случае я не могу возложить на продавцов вину за присылку мне больного скота. Как вам известно, инкубационный период свиной холеры продолжается девять дней; проверив дату их погрузки, я убедился в том, что при отправке они были совершенно здоровы.

Разве вам никогда не приходило в голову, что железные дороги чрезвычайно способствуют распространению холеры? Слыхали вы когда-нибудь об окуривании или дезинфекции вагона, в котором ехал больной скот? Сопоставьте даты: во-первых, дату отправки борова мной; во-вторых, время доставки борова вам и, в-третьих, дату появления первых признаков болезни. Вы сообщаете, что по случаю весенних размывов боров был в пути пять дней. Первые симптомы появи-

лись только на седьмой день после его доставки вам. Следовательно, прошло двенадцать дней после того, как он был мною отправлен.

Нет. Я с вами не согласен: я не могу нести ответственность за бедствие, постигшее ваши стада. Кроме того, можете справиться в ветеринарном управлении штата, есть ли в моем имении холера.

С уважением...»

ГЛАВА ВТОРАЯ

Покинув свою спальню-веранду, Форрест прошел через комфортабельную гардеробную с диванами в оконных нишах, большими ларями и огромным камином, возле которого была дверь в ванную, и направился в комнату, служившую конторой и обставленную соответствующим образом: письменные столы, диктофоны, картотеки и книжные шкафы, а также полки, доходящие до самого потолка и разделенные на клетки и отделения.

Подойдя к книжным полкам, Форрест нажал кнопку; несколько полок повернулось, и открылась узенькая винтовая лестница; он стал осторожно спускаться, стараясь не зацепить шпорами за полки, автоматически возвращавшиеся на место позади него.

Под лестницей другая кнопка и поворот других полок открыли перед ним вход в длинную низкую комнату, уставленную книгами от пола до потолка. Форрест прямо направился к одной из полок и сразу опустил руку на корешок книги, которая ему понадобилась. Полистав ее, он тут же отыскал нужное место, удовлетворенно кивнул, как бы найдя то, что подтверждало его мысли, и поставил книгу обратно.

Отсюда дверь вела в крытый ход из квадратных бетонных столбов, соединенных поперечными брусья-

ми из калифорнийской секвойи попеременно с более тонкими брусками из того же дерева, покрытыми шероховатой морщинистой корой, похожей на красноватый бархат.

Судя по тому, что он сделал несколько сот футов, огибая бесконечные стены огромного бетонного дома, было ясно, что путь он выбрал не самый короткий. Под старыми дубами, у длинной изглоданной коновязи, где вытоптаный копытами гравий свидетельствовал о множестве побывавших здесь лошадей, он увидел кобылу гнедой, вернее, золотисто-коричневой масти. В косых лучах солнца, падавших под навес из листьев, ее холеная шерсть отливала атласным блеском. Все ее существо, казалось, было полно огня и жизни. Сложением она напоминала жеребца, а бежавшая вдоль спинного хребта узенькая темная полоска говорила о многих поколениях мустангов.

— Ну, как сегодня настроение у Фурии? — спросил Форрест, снимая с ее шеи уздечку.

Лошадь заложила назад свои ушки, самые маленькие, какие только могут быть у лошади, показывавшие, что она — дитя любви горячих чистокровных жеребцов и диких горных кобылиц, и сердито оскалила зубы, сверкая злыми глазами.

Когда Форрест вскочил в седло, она метнулась в сторону и попыталась сбросить седока, а потом заплясала по усыпанной гравием дорожке. Вероятно, ей удалось бы подняться на дыбы, если бы не мартингал — этот ремень удерживал лошадь от слишком резких движений и вместе с тем предохранял нос седока от сердитых взмахов ее головы.

Дик настолько привык к этой кобыле, что почти не замечал ее выходок. То чуть прикасаясь поводьями к ее выгнутой шее, то слегка щекоча ей бока шпорами или нажимая шенкелем, он почти бессознательно заставлял ее идти в нужном направлении. Один раз, когда она опять завертелась и заплясала, он на миг

увидел Большой дом. Да, дом был велик, но благодаря своей архитектуре казался больше, чем на самом деле. Он вытянулся по фасаду на восемьдесят футов в длину, однако в нем немало места занимали галереи с бетонными стенами и черепичными крышами, соединявшие между собой отдельные части здания. Там были внутренние дворики, крытые ходы и переходы, и вся постройка, со своими стенами, прямоугольными выступами и нишами, как бы вырастала из гущи зелени и цветов.

Большой дом, несомненно, носил на себе отпечаток испанского стиля, но не принадлежал к тому испано-калифорнийскому типу зданий, который был занесен сюда через Мексику лет сто тому назад и на основе которого позднейшие архитекторы создали так называемый испано-калифорнийский стиль. Архитектуру Большого дома при всей ее разнородности скорее можно было определить как испано-мавританскую, хотя находились знатоки, горячо возражавшие и против такого определения.

Просторен, но не суров, красив, но не претенциозен — таково было общее впечатление, которое производил Большой дом. Его длинные горизонтальные линии, прерываемые лишь вертикальными линиями выступов и ниш, всегда прямоугольных, придавали ему почти монастырскую простоту; и только ломаная линия крыши оживляла некоторое его однообразие.

Однако эта низкая, словно расползшаяся постройка не казалась приземистой: множество нагроможденных друг на друга квадратных башен и башенок делали ее в достаточной мере высокой, хотя и не устремленной ввысь. Основной чертой Большого дома была прочность. Его хозяева могли не бояться землетрясений. Казалось, он должен выстоять тысячу лет. Добротный бетон его стен был покрыт слоем не менее добротной штукатурки, выкрашенной кремовой краской. Такое однообразие окраски могло быть утомительным

для глаз, если бы оно не нарушалось теплыми красными тонами плоских крыш из испанской черепицы.

В тот миг, когда горячая лошадь заплясала под ним и Дик Форрест охватил одним взглядом весь Большой дом, его глаза озабоченно задержались на длинном флигеле по ту сторону двора в двести футов шириной; громоздившиеся друг над другом башенки флигеля казались розовыми в лучах утреннего солнца, а спущенные шторы на окнах спальни под ними показывали, что его жена еще спит.

Вокруг усадьбы с трех сторон тянулись низкие, покатые, мягко очерченные холмы с короткой травой и оградами: там были пастбища. Холмы постепенно переходили в более высокое предгорье с покрытыми лесом склонами, а за ним следовала еще более крутая гряда величественных гор. С четвертой стороны горизонт не заслоняли ни горы, ни холмы. Там, в туманной дали, местность переходила в необозримые низменности, конца-краю которым не было видно даже в этом прозрачном и морозном утреннем воздухе.

Фурия под Форрестом захрапела. Он сжал ей шенкелями бока и заставил отойти к самому краю дороги, так как навстречу ему, топоча копытцами по гравии, текла река серебристо поблескивающего шелка. Он сразу узнал стадо своих премированных ангорских коз, у каждой из которых была своя родословная и своя характеристика. Их было около двухсот.

Благодаря тому что этих породистых коз осенью не стригли, их сверкающая шерсть, ниспадавшая волной даже с самых молодых животных, была тоньше, чем волосы новорожденного дитяти, белее, чем волосы человеческого альбиноса, и длиннее обычных двенадцати дюймов, а шерсть лучших из них, доходившая до двадцати дюймов, красилась в любые цвета и служила преимущественно для женских париков; за нее платили баснословные деньги. Форреста пленяла красота идущего ему навстречу стада. Дорога казалась

лентой жидкого серебра, и в нем драгоценными камнями блестели похожие на глаза кошек желтые козы глаза, следившие с боязливым любопытством за ним и его нервной лошадей. Два пастуха-баска шли за стадом. Это были коренастые, плечистые и смуглые люди с черными глазами и выразительными лицами, на которых лежал отпечаток задумчивой созерцательности. Увидев хозяина, пастухи сняли шапки и поклонились. Форрест поднял правую руку, на которой, покачиваясь, висел хлыст, и прикоснулся к краю своей широкополой фетровой шляпы.

Лошадь опять заплясала и завертелась под ним; он слегка натянул повод и тронул ее шпорами, все еще не в силах оторвать взгляд от этих четвероногих клубков шелка, заливавших дорогу серебристым потоком. Форрест знал, почему они появились возле усадьбы: наступало время окота, когда их уводили с пастбищ и помещали в особые загоны, где их ждали обильный корм и заботливый уход. Глядя на них, Дик представил себе все лучшие турецкие и южноафриканские породы и нашел, что его стадо вполне могло выдержать сравнение с ними. Хорошее, отличное стадо!

Он поехал дальше. Со всех сторон раздавалось жужжание машин, разбрасывающих удобрение. Вдали, на отлогих низких холмах, виднелось множество упряжек, парных и троечных, — это его широкие кобылы пахали и перепаживали плугами зеленый дерн горных склонов, обнажая темно-коричневый, богатый перегноем, жирный чернозем, настолько рыхлый и полный животворных сил, что он как бы сам рассыпался на частицы мелкой, точно просеянной земли, готовой принять в себя семена. Эта земля была предназначена для посева кукурузы и сорго на силос. На других склонах посеянный раньше ячмень уже доходил до колен и виднелись дружные всходы клевера и канадского гороха.

Все эти поля, большие и малые, были обработаны так тщательно и целесообразно, что порадовали бы сердце самого придирчивого знатока. Ограды и заборы были настолько плотны и высоки, что являлись надежной защитой и от свиней, и от рогатого скота, а в их тени не росло никаких сорных трав. Низины были засеяны люцерной; на некоторых зеленели озими, другие, согласно требованиям севооборота, готовились под яровые; а на тех, которые лежали ближе к загонам для маток, паслись сытые шропширские и французские меринсы или рылись в земле громадные белые племенные свиньи, при виде которых глаза Дика радостно блеснули.

Он проехал через некоторое подобие деревни, где не было, однако, ни гостиниц, ни лавок. Домики типа бунгало были изящной и прочной стройки и радовали глаз; каждый стоял в саду, где уже цвели ранние цветы и даже розы, презревшие опасность последних утренников. Среди клумб бегали и резвились уже проснувшиеся дети, а иные, заслышав зов матерей, неохотно уходили завтракать.

Огибая Большой дом на расстоянии полумили, Форрест проехал мимо вытянувшихся в ряд мастерских. Он остановился возле первой и заглянул внутрь. Один из кузнецов работал у горна. Другой, склонившись над передней ногой уже немолодой кобылы, весившей тысячу восемьсот фунтов, стачивал наружную сторону копыта, чтобы лучше пригнать подкову. Форрест мельком взглянул на кузнеца и на его работу, поклонился и поехал дальше. Проехав около ста футов, он остановил лошадь, вытащил из заднего кармана записную книжку и что-то в нее занес.

По пути он заглянул еще в несколько мастерских — малярную, слесарную, столярную, в гараж. Когда он стоял возле столярной, мимо него промчалась необычная автомашина — полугрузовик-полулегковая — и, свернув на большую дорогу, понеслась к стан-

ции железной дороги, находившейся в восьми милях от имения. Он узнал грузовик, забиравший каждое утро с молочной фермы ее продукцию.

Большой дом являлся как бы душой и центром всего имения. На расстоянии полумили его окружало кольцо хозяйственных построек. Не переставая раскланиваться со своими служащими, Дик Форрест проехал галопом мимо молочной фермы. Это был целый городок с силосными башнями и подвесной дорогой, по которой двигалось множество транспортеров, автоматически выгружавших удобрения на площадки машин. Некоторые служащие, ехавшие кто верхом, кто в повозках, останавливали Форреста, желая посоветоваться с ним; по всему было видно, что это сведущие, деловые люди. То были экономеры и управляющие отдельными отраслями хозяйства; говоря с хозяином, они были так же немногоречивы, как и он. Последнего из них, сидевшего на грациозной молодой трехлетке — дикой и прекрасной, как может быть прекрасна еще не вполне обьезженная лошадь арабской крови, — и вознамерившегося ограничиться только поклоном, Дик Форрест сам остановил.

— С добрым утром, мистер Хеннеси, — сказал он. — Скоро она будет готова для миссис Форрест?

— Подождите еще недельку, — ответил Хеннеси. — Она теперь обьезжена, и именно так, как этого хотелось миссис Форрест; но лошадь утомлена и нервничает, — хорошо бы дать ей несколько дней, чтобы совсем привыкнуть и успокоиться.

Форрест кивнул, и Хеннеси, его ветеринар, продолжал:

— Кстати, у нас есть два возчика, они возят люцерну... Я полагаю, их следует рассчитать.

— А что такое?

— Один из них новый, Хопкинс, демобилизованный солдат; с мулами он, может быть, и умеет обращаться, но в рысках ничего не смыслит.

Форрест снова кивнул.

— Другой служит у нас уже два года, но он стал пить и похмелье свое вымещает на лошадях...

— Ага, Смит — этакий американец старого типа, бритый, левый глаз косит? — перебил его Форрест.

Ветеринар кивнул.

— Я наблюдал за ним... Сначала он хорошо работал, а теперь почему-то закуролесил... Конечно, пошлите его к черту. И этого тоже, как его... Хопкинса, гоните вон. Кстати, мистер Хеннесси, — Форрест вынул записную книжку и, оторвав недавно исписанный листок, скомкал его, — у вас там новый кузнец. Ну что, как он кует лошадей?

— Он у нас слишком недавно, я еще не успел к нему присмотреться.

— Так вот: гоните его вместе с теми двумя. Он нам не подходит. Я только что видел, как он, чтобы лучше пригнать подкову старухе Бесси, соскоблил у нее чуть ли не полдюйма с переднего копыта.

— Нашел способ!

— Так вот. Отправьте его ко всем чертям, — повторил Форрест и, слегка тронув лошадь, пустил ее по дороге; она с места взяла в карьер, закидывая голову и пытаясь сбросить его.

Многое из того, что Форрест видел, нравилось ему. Глядя на жирные пласты земли, он даже пробормотал: «Хороша земля, хороша!» Кое-что ему, однако, не понравилось, и он тотчас же сделал соответствующие пометки в своей записной книжке.

Замыкая круг, центром которого был Большой дом, Форрест проехал еще с полмили до группы стоящих отдельно барачков и загонов. Это была больница для скота — цель его поездки. Здесь он нашел только двух телок с подозрением на туберкулез и великолепного джерсейского бора, чувствовавшего себя как нельзя лучше. Боров весил шестьсот фунтов; ни блеск глаз, ни живость движений, ни лоснящаяся щетина не

давали оснований предположить, что он болен. Боров недавно прибыл из штата Айова и должен был, по установленным в имении правилам, выдержать определенный карантин. В списках торгового товарищества он значился как Бургесс Первый, двухлетка, и обошелся Форресту в пятьсот долларов.

Отсюда Форрест свернул на одну из тех дорог, которые расходились радиусами от Большого дома, догнал Креллина, своего свиновода, дал ему в течение пятиминутного разговора инструкции, как содержать в ближайшие месяцы Бургесса Первого, и узнал, что его великолепная первоклассная свиноматка Леди Айлтон, премированная на всех выставках от Сиэтла до Сан-Диего и удостоенная голубой ленты, благополучно разрешилась одиннадцатью поросятами. Креллин рассказал, что просидел возле нее чуть не всю ночь и едет теперь домой, чтобы принять ванну и позавтракать.

— Я слышал, что ваша старшая дочь окончила школу и собирается поступить в Стэнфордский университет? — спросил Форрест, сдержав лошадь, которую он уже хотел пустить галопом.

Креллин, молодой человек лет тридцати пяти, рано созревший, оттого что давно стал отцом, и еще юный благодаря честной жизни и свежему воздуху, был польщен вниманием хозяина; он слегка покраснел под загаром и кивнул.

— Обдумайте это хорошенько, — продолжал Форрест. — Вспомните-ка всех известных вам девушек, окончивших колледж или учительский институт: многие ли работают по своей специальности? А сколько в течение ближайших же двух лет по окончании курса повыходили замуж и обзавелись собственными младенцами?

— Но Елена относится к учению очень серьезно, — возразил Креллин.

— А помните, когда мне удаляли аппендикс, — снова заговорил Форрест, — за мной ухаживала одна умелая сиделка — самая прелестная девушка, какая когда-либо ходила по земле на прелестных ножках. Она всего за шесть месяцев до этого получила свидетельство квалифицированной сиделки. И не прошло и четырех месяцев, как мне пришлось послать ей свадебный подарок. Она вышла замуж за агента автомобильной фирмы. С тех пор она все время кочует по гостиницам и ни разу не имела возможности применить свои знания, тем более что и детей они не завели. Правда, теперь у нее опять появились надежды... Но то ли это будет, то ли нет, а пока она и так совершенно счастлива. К чему же все ее учение?..

Как раз в это время мимо них прошел пустой удобритель, и Креллину пришлось отступить, а Форресту отъехать к самому краю дороги. Форрест с удовольствием оглядел запряженную в удобритель рослую, удивительно пропорционально сложенную кобылу, многочисленные премии которой, так же как и премии ее предков, потребовали бы особого эксперта, чтобы их перечислить и классифицировать.

— Посмотрите на Принцессу Фозрингтонскую, — заметил Форрест, указывая на лошадь, радовавшую его взоры. — Вот настоящая производительница. Только случайно, благодаря селекции во многих поколениях, стала она животным, приспособленным для перевозки тяжестей. Но не это в ней главное: главное то, что она производительница. И для наших женщин в большинстве случаев самое главное — любовь к мужчине и материнство, к которому они предназначены природой. В биологии нет никаких оснований для всей этой современной женской кутерьмы из-за работы и политических прав.

— Но есть основания экономические, — возразил Креллин.

— Несомненно, — согласился Форрест и продолжал: — Наш промышленный строй не дает женщинам возможности выйти замуж и заставляет их работать. Но не забудьте, что промышленные системы приходят и уходят, а законы биологии вечны.

— В наше время одной семейной жизнью молодых женщин не удовлетворишь, — продолжал настаивать Креллин.

Дик Форрест недоверчиво засмеялся.

— Ну, не знаю! — сказал он. — Возьмем хотя бы вашу жену: получила диплом, да еще университетский по факультету древних языков! А зачем ей это нужно? У нее два мальчика и три девочки, если не ошибаюсь. А вашей невестой она стала — помните, вы говорили? — еще за полгода до окончания курса...

— Так-то так, но... — настаивал Креллин, хотя в его глазах мелькнуло что-то, показывавшее, что он согласен со своим хозяином, — во-первых, это было пятнадцать лет назад, а во-вторых, мы отчаянно влюбились друг в друга. Чувство было сильнее нас. Тут, я не спорю, вы правы. Она мечтала о великих деяниях, а я мог в лучшем случае рассчитывать на деканство в сельскохозяйственном колледже. И все-таки чувство пересилило, и мы поженились. Но ведь с тех пор прошло целых пятнадцать лет, а за эти годы в жизни, в стремлениях, в идеалах нашей женской молодежи изменилось очень многое.

— Не верьте этому, мистер Креллин, не верьте! Посмотрите статистику. То, о чем вы говорите, случайно и очень относительно. Каждая женщина была и останется женщиной прежде всего. Пока наши девочки будут играть в куклы и любоваться на себя в зеркало, женщина будет тем, чем была всегда: во-первых, матерью, во-вторых, подружкой мужчины, женой. Это, повторяю, подтверждается статистикой. Я следил за судьбой женщин, окончивших учительский инсти-

тут. Не забудьте, что те из них, кто выходит замуж до окончания курса, исключаются из института. Но и те, кто успевает окончить его, преподают в среднем не больше двух лет. А если принять во внимание, что многие из кончающих некрасивы или незадачливы и обречены судьбой оставаться старыми девами и всю жизнь преподавать, то срок работы тех, кто выходит замуж, еще сократится.

— И все-таки женщина, даже девочка, всегда делает все по-своему, наперекор мужчине, — пробормотал Креллин, пасуя перед цифрами, приведенными Форрестом, и решив на досуге изучить их.

— Значит, ваша дочка поступит в университет, — рассмеялся Форрест, готовясь пустить лошадь галопом, — а вы, и я, и все мужчины до скончания века будут позволять женщинам делать все, что им вздумается?

Провожая взглядом быстро уменьшавшуюся фигуру хозяина и его лошади, Креллин улыбнулся. Он подумал: «А где же ваши собственные ребята, мистер Форрест?» — и решил за утренним кофе рассказать жене об этом разговоре.

Прежде чем вернуться к Большому дому, Дик Форрест остановился еще раз.

Человека, которого он окликнул, звали Менденхоллом; это был управляющий конюшнями и специалист по пастбищам. Про него говорили, что он знает в имении не только каждую травинку с той минуты, как появился росток, но и высоту травинки.

По знаку Форреста Менденхолл остановил пару трехлеток, которых он объезжал в пароконной двуколке.

Окликнул же его Форрест после того, как внимательно взгляделся в северный конец долины Сакраменто: там на много миль тянулась волнистая линия холмов, озаренных солнцем и уже покрытых яркой, свежей зеленью.

Происшедший затем разговор был краток и свелся к немногосложным вопросам и ответам. Они давно научились понимать друг друга. Речь шла о травах, о зимних дождях и возможности поздних весенних дождей. Упоминались речки — Литтл-Койот и Лос-Кватос, холмы Йоло и Миримар, а также Биг-Бэзин, Раунд-Вэллей и горные кряжи Сан-Ансельмо и Лос-Банос. Обсуждались теперешние, прошлые и будущие передвижения стад и гуртов, надежды на травы, посеянные на горных пастбищах, производился приблизительный подсчет сена, оставшегося в отдаленных сараях, укрытых в горных долинах, где скот зимовал и кормился.

Под дубами, у коновязи, Форресту не пришлось самому возиться с Фурией. Подбежавший конюх принял ее. Форрест на ходу бросил несколько слов относительно Дадди, выездной лошади, и вскоре его шпоры зазвенели на крыльце дома.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

Открыв тяжелую тесовую дверь, обитую железными гвоздями, Форрест вошел в один из флигелей Большого дома. И дверь и помещение за ней, с бетонным полом и многочисленными дверями, напоминали средневековую тюремную башню. Одна из них распахнулась, на пороге показался китаец в белом фартуке и крахмальном колпаке, а за ним следом вырвался глухой гул динамо-машины. Этот гул и отвлек Форреста от его цели. Он остановился и, придержав дверь, заглянул в освещенную электрическими лампами прохладную бетонированную комнату, где стоял длинный стеклянный холодильник со стеклянными полками, соединенный с машиной для изготовления искусственного льда и с динамо. На полу в засален-

ном рабочем комбинезоне сидел на корточках весь измазанный грязью человек. Форрест кивнул ему.

— Что-нибудь не ладится, Томсон?

— Не ладилось, — последовал краткий исчерпывающий ответ.

Форрест закрыл дверь и пошел по длинному, словно туннель, коридору. Узкие окна, похожие на бойницы средневекового замка, пропускали скудный свет. Другая дверь привела его в длинную низкую комнату с бревенчатым потолком; камин был так велик, что в нем можно было бы зажарить целого быка. На рдеющих углях ярко пылал толстый пень. В комнате стояли два бильярда, несколько карточных столов, небольшая стойка с напитками, а по углам — кресла и диваны. Два молодых человека, натиравшие мелом свои кии, ответили на приветствие Форреста.

— С добрым утром, мистер Нэйсмит, — весело обратился Форрест к одному из них. — Набрали еще материал для «Газеты скотовода»?

Нэйсмит, молодой человек лет тридцати, в пенсне, смущенно улыбнулся и, подмигнув, указал на своего товарища:

— Да вот Уэйнрайт вызвал меня...

— Другими словами, Лью и Эрнестина продолжают сладко спать! — засмеялся Форрест.

Уэйнрайт хотел ответить на шутку хозяина, но не успел: тот уже отошел от него, на ходу бросив Нэйсмиту через плечо:

— Хотите ехать со мной в половине двенадцатого? Мы с Тэйером отправляемся в машине смотреть шропширов. Ему нужны бараны, десять вагонов; и для вас, наверно, найдется подходящий материал по части вывоза скота в штат Айдахо. Захватите фотоаппарат. Вы с Тэйером нынче утром виделись?

— Он шел завтракать, как раз когда мы уходили из столовой, — вмешался Берт Уэйнрайт.

— Если увидите его, скажите, чтобы он был готов к половине двенадцатого. Тебя, Берт, я не приглашаю... из сострадания: к тому времени девицы наверняка встанут.

— Возьми с собой хоть Риту! — жалобно попросил Берт.

— Боюсь, что не смогу, — ответил Форрест уже в дверях, — мы едем по делам. Да и Риту с Эрнестиной, как тебе известно, водой не разольешь.

— Вот мне и хотелось, чтобы это хоть раз случилось, — усмехнулся Берт.

— Удивительно! Братья почему-то никогда не ценят своих сестер, — заметил Форрест. — Мне всегда казалось, что Рита очень славная сестренка. Чем она тебе не угодила?

Не дожидаясь ответа, он закрыл за собою дверь, и звон его шпор донесся из коридора, а затем с витой лестницы. Поднимаясь по ее широким бетонным ступеням, он услышал наверху звуки рояля и, привлеченный ритмом веселого танца и взрывами смеха, заглянул в светлую комнату, всю залитую солнцем. За роялем сидела молодая девушка в розовом кимоно и утреннем чепчике, а две другие, тоже в кимоно, исполняли какой-то фантастический танец: его не изучали ни в каких танцклассах, и он отнюдь не предназначался для мужских глаз.

Девушка, сидевшая за роялем, сразу увидела Форреста, подмигнула ему и продолжала играть. Танцующие заметили его лишь через несколько минут. Они взвизгнули, смеясь, упали друг другу в объятия, и музыка оборвалась. Все три были сильные, молодые и здоровые, и при виде их в глазах Форреста засветилось такое же удовольствие, какое светилось в них, когда он смотрел на Принцессу Фозрингтонскую.

Начались взаимные насмешки и поддразнивания, как бывает обычно, когда соберется молодежь.

— Я здесь уже пять минут, — уверял их Дик Форрест.

Обе танцовщицы, желая скрыть свое смущение, заявили, что сильно сомневаются в этом, и стали приводить примеры его будто бы общеизвестной лживости. Сидевшая за роялем Эрнестина, сестра его жены, утверждала, наоборот, что уста его, как всегда, глаголют истину, что она видела его с первой же минуты, как он вошел, и что, по ее расчетам, он смотрел на них гораздо дольше чем пять минут.

— Ну, как бы там ни было, — прервал он их болтовню, — Берт, этот невинный младенец, даже не подзревает, что вы уже встали.

— Встали, да... но не для него! — заявила одна из танцевавших девушек, похожая на веселую юную Венеру. — И не для вас тоже! А потому убирайтесь-ка отсюда, мой мальчик, марш!

— Послушайте, Льют, — сурово начал Форрест. — Хоть я и дряхлый старец, а вам только что исполнилось восемнадцать лет — ровно восемнадцать — и вы случайно приходите мне свояченицей, но из этого вовсе не следует, что вам можно надо мной куражиться. Не забудьте, и я должен констатировать этот факт, как сие ни прискорбно для вас, исключительно в интересах Риты, — не забудьте, что за истекшие десять лет мне приходилось награждать вас шлепками гораздо чаще, чем вам теперь хочется признать. Правда, я уже не так молод, как был когда-то, но... — он пощупал мышцы на правой руке и сделал вид, что хочет засучить рукава, — но еще не совсем развалина; и если вы меня доведете...

— Что будет, если доведу? — вызывающе подхватила Льют.

— Если вы меня доведете... — пробормотал он угрожающе, — если... Кстати, я должен, к моему прискорбию, вам заметить, что у вас чепчик набок. Кроме того, он мне кажется вообще не слишком удачным

произведением искусства. Я сшил бы вам чепчик гораздо больше к лицу, даже зажмурившись, даже во сне и даже... если бы у меня была морская болезнь.

Льют задорно качнула белокурой головкой, взглянула на подруг, как бы прося поддержки, и заявила:

— Сомневаюсь!.. Неужели вы воображаете, что мы втроем не справимся с одним пожилым, не в меру тучным и дерзким мужчиной? Как вы думаете, девочки? Давайте-ка возьмемся за него все вместе! Ведь ему не меньше сорока лет, у него аневризм сердца и — хотя не следует выдавать семейные тайны — в довершение всего меньерова болезнь.

Эрнестина, маленькая, но крепкая восемнадцатилетняя блондинка, выскочила из-за рояля, и все три девушки совершили набег на стоявший в амбразуре диван; захватив каждая по диванной подушке и отойдя друг от друга так, чтобы можно было хорошенько размахнуться, они двинулись на врага.

Форрест приготовился, затем поднял руку для переговоров.

— Трусишка! — насмешливо закричали они вразнобой и повторили хором: — Трусишка!

Он упрямо покачал головой:

— Вот за это и за прочие ваши дерзости вы все три будете наказаны по заслугам. Сейчас передо мной с ослепительной ясностью встают все нанесенные мне в жизни обиды. Через минуту я начну действовать. Но сначала, Льют, как сельский хозяин, со всем смирением, на какое я способен, прошу вас: объясните, ради Создателя, что это за штука — меньерова болезнь. Овцы могут заразиться ею?

— Меньерова болезнь — это, — начала Льют, — это... как раз то, что у вас. И единственные живые существа, которых постигает меньерова болезнь, — бараны.

Враги бросились друг на друга и вступили в яростную схватку. Форрест сразу атаковал противника из-

Лондон Дж.

Л 76 Маленькая хозяйка большого дома : роман / Джек Лондон ; пер. с англ. В. Станевич. — СПб. : Азбука, Азбука-Аттикус, 2019. — 352 с. — (Азбука-классика).

ISBN 978-5-389-06372-3

Написанный за год до смерти автора роман «Маленькая хозяйка большого дома» необычен для творчества писателя, прославившегося произведениями приключенческого жанра. В основе сюжета здесь — любовный треугольник. «Маленькая хозяйка» шокировала современников Джека Лондона сексуальной откровенностью, но сам Лондон считал эту книгу лучшим своим произведением. Хотя роман нельзя назвать в полном смысле автобиографическим, описанные в нем события перекликаются с тем, что происходило на калифорнийском ранчо Джека Лондона и его жены Чармиан зимой конца 1912 — начала 1913 года.

УДК 821.111(73)

ББК 84(7Сое)-44

Литературно-художественное издание
ДЖЕК ЛОНДОН
МАЛЕНЬКАЯ ХОЗЯЙКА БОЛЬШОГО ДОМА

Художественный редактор Валерий Гореликов
Технический редактор Татьяна Раткевич
Компьютерная верстка Михаила Львова
Корректоры Елена Орлова, Елена Терскова
Главный редактор Александр Жикаренцев

Знак информационной продукции
(Федеральный закон № 436-ФЗ от 29.12.2010 г.):

16+

Подписано в печать 13.12.2018. Формат издания 75 × 100 ¹/₃₂.
Печать офсетная. Тираж 3000 экз. Усл. печ. л. 15,5. Заказ №

ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“» —
обладатель товарного знака АЗБУКА®
115093, г. Москва, ул. Павловская, д. 7, эт. 2, пом. III, ком. № 1
Филиал ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“»
в Санкт-Петербурге
191123, г. Санкт-Петербург, Воскресенская наб., д. 12, лит. А
ЧП «Издательство „Махаон-Украина“»
04073, г. Киев, Московский пр., д. 6 (2-й этаж)

Отпечатано в ОАО «Можайский полиграфический комбинат»
143200, г. Можайск, ул. Мира, д. 93

www.oaompk.ru, www.oaompk.pф
Тел.: (495) 745-84-28, (49638) 20-685

ПО ВОПРОСАМ РАСПРОСТРАНЕНИЯ ОБРАЩАЙТЕСЬ:

В Москве: ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“»
Тел.: (495) 933-76-01, факс: (495) 933-76-19
E-mail: sales@atticus-group.ru; info@azbooka-m.ru

В Санкт-Петербурге: Филиал ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“»
Тел.: (812) 327-04-55, факс: (812) 327-01-60
E-mail: trade@azbooka.spb.ru

В Киеве: ЧП «Издательство „Махаон-Украина“»
Тел./факс: (044) 490-99-01. E-mail: sale@machaon.kiev.ua

Информация о новинках и планах
на сайтах: www.azbooka.ru, www.atticus-group.ru

Информация по вопросам приема рукописей и творческого сотрудничества
размещена по адресу: www.azbooka.ru/new_authors/

V-AKB-14348-11-R